

Тайна архиерейской дачи

*Посвящается
нынешнему подрастающему
поколению*

Сильный, порывистый ветер поднимал на Амуре высокие волны и взбивал на их верхушках кипящие гребешки. Небо, растеряв все до единого облачка, расплескало над широкой рекой свою неповторимую голубизну.

Антон Кудрявцев стоял на высокой набережной и как зачарованный смотрел куда-то вдаль, где на краю горизонта Амур сливался заодно с береговой полосой.

Прошло полвека, как Антон покинул этот амурский берег и город, в котором прошло его незабываемое и бурное детство. Много воды утекло с тех пор в реку. Время изменило всё. Серебристым инеем оно прошло по вискам, проложило ниточки морщин у глаз Антона. Изменило время и город. Там, где сейчас стоял Кудрявцев, раньше работал лесопильный цех. Берег здесь был завален кучами брёвен, от которых тянуло терпким запахом сосновой и лиственничной коры.

Теперь отсюда, прямо от набережной, открывается просторная площадь. Административное здание, занявшее целый квартал, многоэтажная гостиница, гармонично вписавшиеся в общий ансамбль, придают площади торжественный вид. Одета в толстый слой бетона набережная, как монумент, поднялась над берегом. С лестницами к воде и с площадками для отдыха, она протянулась вдоль всего города. В тёмно-зелёных квадратах газонов яркой палитрой светятся осенние цветы. Ветер, сорвавшись с крутой волны, мчит на берег, по-озорному треплет деревья и оттого сгущает шум несмолкающей реки.

Постояв, Кудрявцев пошёл по широкой главной улице туда, где с могучим Амуrom сливается Зея. Пробежав свой трудный путь по глубоким таёжным распадкам, среди каменистых горных отрогов, через бескрайние поля и луга, красавица Зея встретилаcь с седым богатырём Амуrom и навсегда породнилась с ним.

Зея и Амур бушевали в этот день под напором сильного ветра. Волны их вставали на дыбы. Торжествуя встречу, они с маху ударялись друг о друга. Волны разбрасывали тучи брызг и сливались в единый, мощный поток.

Кто знает, сколько бы ещё стоял так на берегу Антон Иванович, но время близилось к вечеру и ему пора было ехать по адресу.

Прибыл он в город детства издалека, чтобы встретить юбилей Победы со своим закадычным другом Лёнкой Шпагиным. Интересно, каким теперь стал Лёнька?

Антон не узнал посёлка судостроителей. Весь он теперь застроен четырёх- и пятиэтажными домами. На месте небольших цехов судовой верфи возвышаются огромные корпуса судостроительного завода, выполненные из стали, стекла и бетона. Вот и старая родная улица. Она, как и прежде, утопает в зелени клёнов и тополей.

С большим волнением постучал Кудрявцев в знакомую дверь. Подумать только! Этот шаг через Лёнькин порог разделяло время, исчисляемое в половину столетия...

Шёл тысяча девятьсот сорок четвёртый год. Было тогда Антону двенадцать лет. В этом году остался он один, без родителей. Всех ближе из родственников жила тётя Тоня. К ней и переехал тогда Антон. Был в те времена посёлок судостроителей совсем небольшим, и размещался он всего на единственной улице. По одной стороне её высился заводской забор, по другой – выстроились в ряд двухквартирные бревенчатые дома, за которыми сплошь тянулись огороды. В западной стороне улица упиралась в двухэтажный деревянный дом, в котором жили семьи переселенцев и который почему-то все называли бараком. От барака в сторону Зеи был заводской сад. Небольшой полузаброшенный парк кто-то окрестил садом, хотя, кроме тополей и нескольких душистых лип, других деревьев здесь не было. Между тополями и липами небольшими островками топорщился редкий кустарник.

По другую сторону барака стояла, как монумент, высоченная, к тому времени никому уже не нужная парашютная вышка. Металлические рёбра и укосины вышки поржавели и при сильном ветре скрипели на разные голоса.

От барака в другой конец улицы ходу было всего несколько минут. Там стояло порывевшее от времени общежитие ремесленного училища, а ребят, проживающих там, звали коротко – «ремесло».

За общежитием продолжался заводской забор, вдоль него шла железнодорожная ветка, а вот за ней находилось то, что давно привлекало внимание пацанов. В густой берёзовой роще стояли загадочные постройки архиерейской дачи – диковинные здания с верандами и мезонинами. Особо выделялась белая часовня с длинным блестящим шпилем. Ясно, что всё это вызывало у мальчишек небывалый интерес, но побывать на архиерейской даче никому из них ещё не довелось. Там стояла воинская часть.

От заводских ворот в сторону города шёл небольшой проулок, который на пустыре переходил в пыльную дорогу. Улица, на которой жили Антон с Лёнкой, называлась Бурхановской. Это потому, что за архиерейской дачей текла небольшая, похожая на ручей, речка Бурхановка*.

Сбоку от заводских корпусов тянулись к Зее длинные нити стапелей**. Над ними, как гигантский скелет, ошетилившийся большущими рёбрами шпангоутов***, высился строящийся рефрижератор.

Будущему судну предстояло ходить в низовьях Амура и по ближайшим морям. С самого утра сыпалась от рефрижератора по всему посёлку густая звонкая дробь пневматических молотков. Одна за другой плющились под ударами молотков тысячи и тысячи заклёпок. Металл, лист за листом, нашивался на шпангоуты, постепенно образуя днище, борта и палубу.

* Бурхановка происходит от монгольского слова "Бурхан" – буддийский идол.

** Стапели – сооружение для постройки или ремонта торгового судна или военного корабля и его спуска на воду.

*** Шпангоут – поперечное ребро корпуса судна (нидерланд. – балка, древесина).

В Приамурье стояли морозные дни. По утрам висел густой туман, к полудню он исчезал и добавлял мороза. К вечеру туман появлялся снова, сгущая и без того рано начинающиеся сумерки. Шли каникулы.

Лёнька, с утра заявившись на квартиру к тётке Тоне, у которой жил его новый друг Антон, прямо с порога выпалил:

– Идём на лыжах!

Антон отложил в сторону стопку довоенных журналов. Он любил лыжи и потому не стал раздумывать над Лёнькиным предложением...

Один за одним мчат с горы пацаны, да так, что ветер свистит в ушах да колючий мороз тычет щетиной в разгорячённое лицо. Смотришь – один ещё только карабкается наверх, а другой, неудачно прыгнув с трамплина, уже барахтается в глубоком снегу.

На высоком берегу Зеи, на самом верху косогора, который уж год стоял заброшенный баркас*.

– Айда на этот корабль! – вдруг предложил Вовка Суханов. – Скатимся на нём вниз!

Прошлой весной прозвали Вовку Люстрой. А случилось это так. Весенняя капель радужно сверкала падающими с крыш бусинками и собиралась в весело журчащие ручейки. К вечеру подмораживало, и капель затихала. Бусинки лениво сползали вниз, застывали и вытягивались в хрустальные сосульки. Кое-где они свисали целыми гирляндами и отливали по утрам на солнце неживым блеском. Пацаны стояли у школьного крыльца.

– Смотрите, настоящая люстра! – сказал задравший вверх голову Вовка. В следующий момент, когда ребята направились к двери, сорвавшаяся сверху сосулька

* Баркас – самоходное судно небольших размеров, предназначенное для различных перевозок в гаванях и на рейдах.

утодила Суханову прямо в макушку. Громко охнув, Вовка стащил с головы шапку и принялся тереть ушибленное место.

– Вот так люстра! – засмеялся кто-то из ребят...

Итак, баркас лежал на боку. Деревянная обшивка его растрескалась по швам и была готова лопнуть в любую минуту. Внутри кормового отсека виднелись жалкие останки ржавого мотора. Сдвинуть с места это маломерное судно оказалось не так-то просто.

– Раз, два – взяли! – выдавливал из себя Люстра. Но тщетно – баркас стоял как скала. Люстра уже надорвал голос, когда баркас наконец скрипнул и чуточку подался вперёд.

– Ходом! Ходом! – обрадовался Вовка.

У пацанов тотчас прибавилось азарта и сил. Ещё усилие – и катер повис на краю спуска. Как по команде все ринулись внутрь допотопной посуды. Сначала катер круто наклонился носом вперёд, потом сорвался с откоса, пропахал в снегу глубокую борозду и, лёжа на боку, двинулся вниз, по направлению к замёрзшей Зее.

– По-о-шёл! По-о-шёл! – кричал обрадованный Люстра.

– Ура! – вторил ему от восторга кто-то из пацанов.

Но ликовать пришлось недолго.

– Полундра! Прём на столб! – раздался чей-то испуганный голос. Катер и в самом деле катил на вкопанный в берег причальный столб. Ещё момент – и последовал сильнейший удар. По корпусу судна раздался треск, из щелей обшивки посыпалась труха. Кувыркаясь и теряя на ходу рукавицы и шапки, пацаны как орехи посыпались по сторонам. Некоторым не повезло. Больше всех досталось Кольке Егорову. Он отошёл в сторону и прикладывал снег к разбитому носу.

– Ты чё – хрюкалку расквасил? – съехидничал Кроха.

Кроха – это Славка Крохалёв. У него большие, торчащие по сторонам уши и широкий приплюснутый нос. Лицо его усыпано крупными веснушками, а большой тонкогубый рот дополняет этот весьма забавный портрет.

Неудачная затея с катером поубавила пыла у пацанов, и они, не спеша стали расходиться по домам. Антон, Лёнька и Люстра решили ещё по разу съехать с горы. Удачно махнув через трамплин, они уже было повернули домой, как вдруг заметили на заснеженной ледовой дороге, проложенной по Зее, грузовик. Дорога была накатанной, и грузовик шёл на полном ходу. От костра, дымившегося возле ледовой дороги, навстречу машине направился наряд – двое солдат с автоматами, одетых в белые овчинные полушубки. В городе из-за падежа скота действовал карантин, и весь прибывающий транспорт проверялся нарядом.

– Стой! – поднял руку один из солдат, но машина не сбавила хода. Когда грузовик со снятыми бортами проскочил мимо, то стало видно, что в кузове его привязан длинный бастрик*, рядом с которым лежали двое укутанных в тулупы мужиков.

– Да что он, сдурел?! – выругался старший наряда и дал короткую очередь по колёсам машины.

Двое в кузове судорожно вцепились в бастрик. Но вот, наконец, машина остановилась. Человек, сидевший в кабине рядом с шофёром, с опаской посмотрел, как водитель открыл свою дверцу, и прикрыл полою тулупа лежавший у ног саквояж**.

* Бастрик – толстая жердь, с помощью которой придавливают сено на возу.

** Саквояж – дорожная сумка с запором, обычно кожаная.

– Куда гонишь? Где пропуск?! – скорее крикнул, чем сказал, солдат. – Жить надоело, что ли?

Шофёр виновато посмотрел на солдат, неловко растегнул телогрейку и достал из нагрудного кармана документы.

– Ну вот, пропуск, оказывается, есть, а чего тогда прёшь?

– Да... гм... так уж вышло!

– Смотри, чтоб больше не выходило!

– Это так! Баллон вот только жалко!

– Голову бы лучше пожалел!

Солдат достал затёртый блокнот и записал номер машины. Пассажир, высокий дядька, едва не подпиравший головой потолок кабины; угодливо улыбнулся солдатам.

К машине подбежали ребята. Колька, несмотря на травму, тоже успел за всеми. Он всё ещё шмыгал носом, и размазанная по его щекам кровь привлекла внимание пассажира.

– Где это ты так пострадал? – спросил он у Кольки.

– Да та-ам, на горке!

Пассажир улыбнулся.

– Ничего, это бывает, – сказал он. Достал из кармана тулупа газетный свёрток, вынул новое вафельное полотенце, расправил его и рванул так, что полотенце с треском разошлось пополам. – На, держи! – и протянул Кольке одну половину полотенца. – Не горюй, до свадьбы, как говорится, заживёт!

И обратился к шофёру:

– Ну как теперь – доехать сможем?

– На одном баллоне сзади, да ещё порожняком – вполне!

– Ну, тогда двигай!